

Глава 19. По-настоящему разбитое сердце

Цяо Суйман нёс свою бамбуковую корзину домой, выходя из гор на деревенскую тропу. По дороге многие обсуждали Цяо Чэнфу. В их голосах звучала злость — кажется, они тоже уже узнали о трёх лянх серебра, которые этот алкаш задолжал игорному дому. Когда они смотрели на Цяо Суймана, в их взглядах читалось сочувствие.

Цяо Суйман незаметно ущипнул себя за бедро. Его глаза покраснели, и он оглянулся по сторонам с видом человека, которого постигло тяжёлое горе. На миг женщины и фуланы, собравшиеся поболтать, притихли.

И только назойливая Ван Лин не унялась.

— Тц, гляньте-ка, кто идёт. Сначала мать довёл до беды, теперь отца. Смотри, как бы и брата своего не проклял...

Она не успела договорить, как острый камень просвистел в воздухе и попал в неё, заставив замолчать. Ван Лин вскрикнула:

— Ах ты, дрянь мелкая! Как смеешь в меня бросаться камнями?!

Цяо Суйман не остановился. Он один за другим подбирал с дороги камни и швырял их в Ван Лин. Поставив корзину на землю, он шагнул к ней, продолжая метать.

— Закрой свой поганный рот!

Когда камни в его руках закончились, ярость не утихла. Он схватил Ван Лин за волосы и несколько раз отвесил ей пощёчины с обеих сторон. Его руки, закалённые тяжёлым трудом, были куда сильнее, чем у Ван Лин, которая за всю жизнь ни дня не работала в поле.

Ван Лин была старше Цяо Суймана на два года. С детства она подбивала деревенских мальчишек издеваться над ним. Тогда Цяо Суйман боялся навлечь на себя беду и получить побои дома, потому старался держаться от неё подальше... и тем лишь придавал ей смелости. Но теперь за его спиной стояли старший брат и Цинь Юй-гэ. Больше ему не нужно было терпеть.

Ван Лин визжала без умолку. Среди собравшихся женщин была матушка Ли Да. Она поспешила вперёд, чтобы разнять их.

— Ты что, убить её хочешь, маленькая шлюха? Отпусти!

Ослеплённый яростью, Цяо Суйман не собирался отступить. Каждый, кто посмеет проклинать его брата и невестку, заплатит! Он резко развернулся и толкнул локтем матушку Ли, отбрасывая её в сторону, затем сбил Ван Лин с ног и несколько раз пнул её. Волосы у той растрепались, а одежда покрылась следами грязных подошв.

Ван Лин в ужасе смотрела, как её любимое платье теперь заляпано грязью, а лицо саднит от ссадин и пощёчин. Получая удары, она взвизгнула, вскочила и, оскалившись, словно дикий зверь, бросилась в ответ.

Цяо Суйман не отступил. Они яростно сцепились, не обращая внимания на боль, катаясь по земле. Прижав её к земле, он продолжал бить и кричать:

— Как ты смеешь проклинать моего брата! Это ты плохо кончишь! Ты настоящая дрянь!

Зрители на мгновение оцепенели от свирепости Цяо Суймана. Неужели это тот самый жалкий гер, которого они знали прежде? Когда драка стала совсем ожесточённой и даже матушка Ли вмешалась, помогая Ван Лин. Толпа наконец очнулась и бросилась их разнимать.

— Что тут происходит? Почему вы дерётесь?

Цяо Суйман кипел от гнева, лицо его пылало. Даже когда кто-то удерживал его за руки, он продолжал брыкаться, поэтому фуланам, державшим его, приходилось нелегко.

Ван Лин стояла в стороне, тяжело дыша. Её уже никто не держал — сил у неё осталось только на тихие всхлипы от боли.

Матушка Ли, когда её оттащили, тоже поутихла. Она всего лишь хотела проучить этого маленького гера. С тех пор как Цинь Юй в прошлый раз её унизил, многие чужаки посмеивались над ней.

Но кто же знал, что он будет драться, как Цяо Жуйфэн, не щадя собственной жизни. Даже она, привычная к тяжёлой работе, не смогла с ним совладать.

Когда обоих зачинщиков утихомирили, люди повернулись утешать Цяо Суймана.

— Ман-гер, не обращай внимания на их поганые языки. Не стоит из-за них драться.

— Так ей и надо! Такая злобная, такие слова говорит. Её рот давно надо было выбить!

Женщину, сказавшую это, слегка толкнули локтем, и другая бросила на неё предупреждающий взгляд. Они только-только всех успокоили — зачем подливать масла в огонь? Если так продолжится, Цяо Суймана уже не удержат.

Та нехотя замолчала. И всё же про себя подумала, что Ван Лин и правда гадкая. А у Ман-гера меткость отличная — ни один камень мимо не пролетел. Смотрелось это даже приятно.

— Староста! Староста идёт!

Чуткий слух Цяо Суймана уловил крик: «Староста идёт!» Он тут же перестал вырываться и молча нагнал слёзы в глаза. Как только староста Юй Пин подошёл ближе, он разразился громкими рыданиями.

Цяо Жуйфэн только что закончил колоть дрова и вместе с Лу Дунцином нёс их к западной окраине деревни. По совпадению, тем утром Лу Дунцин как раз обсуждал дела со старостой, когда весть о смерти Цяо Чэнфу прервала их разговор, и потому они отправились к дому Юй Пина, чтобы закончить начатое.

Когда Цяо Жуйфэн изложил свои договорённости, а Лу Дунцин завершил своё дело, они уже собирались уходить, как вдруг кто-то вбежал с криком, что Сяо Ман дерётся с Ван Лин.

Все трое поспешили к нему. Ещё издали до них донеслись душераздирающие рыдания Цяо Суймана. У Лу Дунцина сжалось сердце. Протиснувшись сквозь толпу, он увидел, как Цяо Суймана удерживают, лицо его залито слезами, а на шее — красные царапины от ногтей.

Он нахмурился. Сердце болезненно кольнуло, но он подавил желание шагнуть вперёд. Он здесь чужой, а разбирательство ведёт Юй Пин. Не ему вмешиваться и задавать вопросы, иначе

пойдут слухи о Цяо Суймане.

Цяо Суйман рыдал с надрывом, но, заметив брата и Лу Дунцина, на миг осёкся. Он поперхнулся слюной и закашлялся так сильно, что едва мог говорить. И всё же, задыхаясь, выдавил:

— Староста... Ван Лин... кхе... она меня проклинала... и... кхе... брата моего проклинала! Вот я её и ударил!

Цяо Жуйфэн сжал кулаки и метнул в Ван Лин убийственный взгляд. Юй Пин тоже пришёл в ярость. Эти Ваны вечно создают проблемы!

Поняв, что дело оборачивается против неё, Ван Лин громко завывала:

— Он врёт! Староста, посмотрите, что он со мной сделал!

Разбитая губа жгла при каждом слове.

— Моя новая одежда испорчена! Я заплатила за это платье четыре цянтя серебра!

— Хватит! — Это лишь сильнее разозлило Юй Пина. Когда-то Ван Лин настояла на том, чтобы стать наложницей, опозорив деревню Сяхэ. Позже её перепродали, и Линь Сюхуа каждый день рыдала у его дверей, умоляя вернуть дочь.

Он немало сил потратил, чтобы договориться и вернуть её в деревню, а эта семья так и не раскаялась! Только и делает, что разжигает скандалы!

Юй Пин указал на фулана из семьи Хэ, который всё ещё удерживал Цяо Суймана.

— Ты, из семьи Хэ, расскажи, что произошло.

Фулан из семьи Хэ был до крайности прямодушен. Испуганный тем, что его выделили, он слово в слово пересказал всё случившееся, повторив каждое оскорбление, которое бросили Ван Лин и матушка Ли. Толпа зашумела ещё сильнее.

— Вся в мать, бессердечная тварь!

— Вот именно! Такая молодая, а уже такая злобная! Лучше бы о себе подумала — не то однажды кого-нибудь оскорбит и поплатится!

Цяо Жуйфэн шагнул вперёд и схватил Ван Лин за ворот.

— Иди и передай своему отцу, что за всё сказанное тобой я спрошу с него. После похорон я его не пощажу!

С этими словами он оттолкнул её.

Юй Пин кипел не меньше. Он видел, как росли братья Цяо, как они терпели лишения и всё же выросли порядочными людьми. Теперь, когда они стали самостоятельными, его злило, что их продолжают притеснять.

Немного подумав, Юй Пин сурово объявил:

— Ван Лин, зря я тогда проявил мягкость и вернул тебя. Третьего раза не будет. Ты уже

дважды поднимала смуту. Ещё один случай — и я позволю той семье снова продать тебя. Будешь ли ты пахать как скотина или как рабыня — деревне Сяхэ до этого не будет дела. Не забывай, документы всё ещё у них!

Ван Лин побледнела от настоящего страха. Если отец узнает, что она вновь оскорбила семью Цяо, он забудёт её до смерти. А вернуться в тот дом она не могла — хозяйка продаст её в публичный дом!

— Староста, нет! Не надо! Они лгут! Я не проклинала...

Юй Пин не стал её слушать и повернулся к матушке Ли:

— И ты! Вечно лезешь в их ссоры. Ещё раз — и твой муж может забыть о деревенских подрядах!

Эти люди никогда не угомонятся. Взрослые, а дерутся как дети. Жалкое зрелище.

Матушка Ли тотчас умолкла. Как бы она ни ненавидела семью Цяо, рисковать заработком мужа она не могла. Речь шла о пропитании! Бросив на Цяо Суймана злобный взгляд, она нехотя ушла.

Лишившись единственной союзницы, Ван Лин продолжала выть, но теперь все сторонились её, словно чумы — даже те, кто ещё недавно с ней болтал.

— Ладно, расходитесь по домам. Чего столпились? — бросил Юй Пин.

По его слову толпа быстро разошлась. Братья Цяо поблагодарили старосту, и тот, устало кивнув, направился к себе.

Поняв, что выгоды ей больше не извлечь, Ван Лин с трудом поднялась, злобно сплюнула и, прихрамывая, поплелась домой. Она боялась, как бы её снова не наказали.

Остался лишь Лу Дунцин. Помедлив мгновение, он сжал кулаки, собираясь с духом, и подошёл к Цяо Суйману.

— Не принимай их слова близко к сердцу. Ты... ты ни в чём не виноват. Жизнь и смерть к тебе не имеют отношения.

Цяо Суйман распахнул глаза, слёзы на его лице уже подсыхали. После недавнего всплеска чувств ему потребовалось несколько мгновений, чтобы осмыслить сказанное.

— Я знаю. Разве у меня есть такая сила? Она просто прогнила насквозь!

И вдруг ему стало неловко до боли. Он, должно быть, выглядит сейчас ужасно растрёпанным... И почему-то ему совсем не хотелось, чтобы Лу Дунцин видел его таким. Он поспешно вытер лицо рукавом.

— Нам... нам ещё нужно кое-что сделать. Пойдём. Гроб... спасибо за помощь.

Опустив голову, он дёрнул Цяо Жуйфэна за рукав и повернулся, чтобы уйти.

— Это пустяки. К завтрашнему полудню всё будет готово, — ответил Лу Дунцин.

Лу Дунцин не стал удерживать Цяо Суймана, заметив его стремление поскорее уйти. Он

остался стоять, глядя им вслед.

С каждым шагом Цяо Суйман чувствовал всё большую печаль. Прежде он мог притворяться, рыдать нарочно, но теперь в груди стало тяжело по-настоящему. Он тихо шмыгнул носом, сдерживая слёзы. Зачем ему было приходиться и видеть меня таким?

Цяо Жуйфэн внимательно посмотрел на выражение лица брата, затем оглянулся на Лу Дунцина и уловил мимолётное удивление, а затем плохо скрытую тревогу в его взгляде. Хм. Вот как...

Подняв бамбуковую корзину, которую Цяо Суйман ранее поставил на землю, Цяо Жуйфэн погрузился в размышления. По тем нескольким встречам, что у них уже были, Лу Дунцин казался молчаливым, но знающим, умелым в работе и добросердечным. Вот только распространяется ли это добросердечие на всех или на кого-то одного — ещё предстояло понять.

Он посмотрел на брата, который всё ещё терзался смущением, и тихо вздохнул. Ладно. Он обсудит это с ним позже.

Если Лу Дунцин — порядочный человек и питает чувства к Сяо Ману, то, возможно, это и не худший вариант. Пусть он беженец, но их семья и сама не в лучшем положении. Главное — чтобы Сяо Ману он был по душе.

Вернувшись домой, Цяо Суйман вяло натаскал воды, умылся, очистил одежду от грязи и вернулся в главный зал разбирать собранные дикie овощи. Но вдруг его руки замерли — он застыл, погрузившись в мысли, и только спустя долгое мгновение очнулся, словно вернувшись издалека.

<http://bllate.org/book/15225/1423714>